

ГЛАВА 1

ПИСЬМО ВДОВЦА

(ПУНА, ФЕВРАЛЬ 1892)

Мне исполнилось тридцать в тихой, пропахшей карболкой палате лазарета, единственным чтением в которой были ежедневные газеты. Раны затягивались медленно, и в эти дни моим вниманием всецело завладела недавняя новость — вся Индия потрясенно обсуждала смерть двух молодых женщин, среди бела дня упавших с часовой башни Бомбейского университета.

Чем больше я читал о случившемся, тем более странным казалось мне это дело — неужто две женщины из вполне обеспеченной семьи и вправду могли так погибнуть в самом сердце суетного Бомбея, процветающего под властью пресловутых британских закона и порядка? Многие называли случившееся самоубийством, но что-то тут не сходилось. Самоубийство, как правило, совершают в одиночку, здесь же погибают сразу две женщины. Что-то тут не так. По подозрению в убийстве уже задержали одного мужчину и разыскивали двух его сообщников. Что ж там, черт возьми, такое стряслось?

В палату, единственным обитателем которой был я, легкой походкой привычного к седлу кавалериста вошел майор Стивен Смит из Четырнадцатого легкоконного. Он стащил белый пробковый шлем и смахнул со лба пот. Нынешний февраль в Пуне выдался теплым.

— Привет, Стивен, — поприветствовал его я.

Он улыбнулся и сунул мне в руки перевязанный шпагатом прямоугольный сверток:

— С днем рождения, Джим. Как самочувствие?

Чтобы сосчитать подарки, что мне довелось получить в этой жизни, хватило бы пальцев одной руки. Махнув гостю на стул у кровати, я надорвал оберточную бумагу и широко улыбнулся при виде книги. Да, Стивен не раз слышал, как я рассказывал о своем герое.

— Шерлок Холмс! «Знак четырех»!

Он кивнул на груды газет у моей кровати:

— Следишь за этим делом?

— Ага. Видел уже? — я постучал пальцем по номеру «Кроникл оф Индия», который штудировал последние несколько часов. — Оправдали злодеев. А еще процессом века суд называли.

Листья пальм за окном заплясали под резким порывом теплого тропического ветра. Стивен уселся, рассеянно поглаживая пальцем светлые усы. Его форма цвета хаки являла разительный контраст с белыми стенами палаты.

— Которую неделю только об этом и пишут. Суд решил, что это самоубийство.

Я фыркнул:

— Вздор!

Смит нахмурился:

— Да? Но почему?

— Не сходится. Они же не одновременно упали, а с разницей в несколько минут. Если бы хотели умереть вместе, прыгнули бы разом. И вот еще, посмотри-ка — муж одной из жертв написал редактору:

Сэр! Предположение, сделанное вами в редакционной колонке вчерашнего номера, попросту невозможно. У моей жены Бача и сестры Пиллу не было ни малейших причин для самоубийства, поскольку они были окружены всем, ради чего только и стоит жить.

Доведись вам повстречаться с Бача, вы бы ни с чем не спутали ее искреннюю joie de vivre. Каждый, кто встречал ее на своем жизненном пути, становился богаче. Нет, сэр, вопреки вашему предположению, это была отнюдь не склонная к меланхолии жен-*

* Жизнерадостность (фр.). — Прим. пер.

щина, но искренне любимая многими жизнерадостная и верная подруга, преисполненная теплого внимания к окружающим и самозабвенной заботы о старших.

Сэр, молю вас не омрачать память моих супруги и сестры вздорными слухами. Эта утрата обескровила нашу семью и лишила наши жизни радости. Оставьте же нас в покое. Их больше нет, а я остаюсь

*искренне ваши
Ади Фрамджи (10 февраля 1892).*

Когда Смит отложил газету, я спустил ноги с кровати и встал. Точнее, попытался, потому что стены тут же пошли кругом. Меня качнуло, я выругался, попробовал ухватиться за кровать, но промахнулся.

— Санитар! — крикнул Смит, бросаясь на помощь.

Они подняли меня с пола, хотя сделать это было не так уж просто — человек я не шуплый.

— Не спеши, приятель, — сказал Смит таким странным голосом, будто внезапно обнаружил у меня на лбу пару рогов.

— Порядок, нормально все... — пробормотал я санитару, коренастому сикху в сером тюрбане и больничной робе, который вечно суетился без всякой на то причины.

— Сахибу* нездоровится, много месяцев уже, — сообщил он мне.

Месяцев? Суший вздор. Несколько недель разве, не больше. Мне вспомнилось, как я лежал, цепenea от холода, а из обступившего меня тумана выступали и вновь исчезали незнакомые лица...

— Черт подери, Джим, — Смит поморщился, — нам надо поговорить про то, что случилось на границе. Афганцы**, Карачи...

— Правда? — только и переспросил я. В голове забухали ба-

* Почтительное обращение, аналог «сэр» или «мистер». — Здесь и далее примечания и перевод автора, если не указано иное.

** Ополчение пограничных земель и независимого княжества Пахтунхва (ныне Афганистан).

рабаны. Я откинулся на подушки и прижал ладонь к отчаянно бьющейся над ухом жилке.

* * *

В последовавшие за этим дни ко мне не раз заходил доктор, щедро рассыпавший предостережения, как это и положено врачам. Неизменное улучшение моего состояния и радовало его, и отчего-то смущало. А я, отныне уже не молодой человек, лежал в постели, размышляя о своей будущности, и она представлялась мне в весьма мрачных тонах. Семьи у меня не было — лишь старый преподобный Томас из приюта, под крылом которого я рос. Все мои друзья по эскадрону покоились ныне под красной пылью Карачи. Из стариков в живых остались только Смит, полковник Саттон да я.

Впрочем, толку в этих размышлениях было мало, так что я вновь и вновь возвращался к загадке гибели двух женщин. Мог ли я попытаться восстановить мрачные события того солнечного октябрьского дня? Эта история уже начала покидать первые страницы газет, уступая место теме стремительного распространения железнодорожных путей по просторам Индостана, но меня по-прежнему преследовали строки того пронзительного письма. Их больше нет, а я остаюсь — так написал молодой муж. Его слова терзали меня, обжигая сквозившей в них острой скорбью. Эта боль не была чужда мне, ведь моих братьев по оружию тоже больше не было, а я остался.

Неделю спустя я вышел в отставку по состоянию здоровья. Большая часть моего армейского жалования ушла на лечение, так что в кармане оставалось всего сорок рупий. Надо было приниматься за поиски работы.

Что ж, я вполне мог бы попытаться писать в газеты. По-прежнему обуреваемый мыслями о письме, вырезка с которым лежала в моем бумажнике, я решил переговорить с редактором «Кроникл».

ГЛАВА 2

ИНТЕРВЬЮ

Четыре недели минуло с тех пор, как письмо молодого мистера Ади Фрамджи пронзило дымку, окутавшую мой разум в армейском лазарете. Мне удалось убедить редактора «Кроникл» в серьезности своих намерений, и вот уже я катил в тонга* мимо внушительных особняков и алых раскидистых делониксов, дабы изложить свое дело скрывшемуся от света мистеру Фрамджи. У ворот огромного белого дома на Малабар-хилл увенчанный тюрбаном привратник исчез за изукрашенной калиткой, унося с собой мою визитку: «Капитан Джеймс Агнихотри, “Кроникл оф Индия”, Бомбей».

Я стоял перед вереницей ведущих в особняк Фрамджи ступеней, надеясь вот-вот увидеть человека, чьи слова неотступно преследовали меня: *Их больше нет, а я остаюсь.*

Потом набрал полную грудь свежего утреннего воздуха, чувствуя все нарастающее волнение. Ветки бугенвиллеи колыхались за фигурными колоннами, роняя розовые лепестки на гладкий мрамор. Гибнущая впустую красота соцветий придавала картине нотку горечи, невольно наталкивая на мысль о случившейся несколько месяцев назад трагедии. Жена и сестра Ади Фрамджи разбились насмерть, упав с часовой башни университета. Было ли это самоубийством, или они погибли от чьей-то недоброй руки? За недостаточностью улик суд не смог дать однозначного ответа. Учитывая, что молодой мистер

* Т о н г а — трехколесная коляска, запряженная мулом или конем.

Фрамджи так ни разу и не побеседовал с представителями прессы, интервью с ним могло стать отличным началом моей новой карьеры. Я ждал, сжимая в руке шляпу.

Мне либо предстояло услышать, что мистера Фрамджи, студента права и сына богатого землевладельца из парсов, а ныне скорбящего вдовца, «нет дома», либо быть принятым для интервью, о котором я просил неделю тому. На мое письмо он не ответил. Можно было подождать еще немного, но я был твердо намерен взойти на журналистское поприще как можно скорее.

Я нервно перебирал поля шляпы, когда вновь появившийся привратник обратился ко мне:

— Ади-сахиб примет вас.

Мы вошли в отделанное мрамором фойе и проследовали в маленькую столовую, залитую светом из примыкающей к ней оранжереи.

— Здравствуйте. Меня зовут Ади.

За широким столом стоял, упершись рукой в темное полированное дерево, худощавый бледный мужчина. Однако, несмотря на бледность, я не уловил в его лице и тени болезненности. Походка, которой он ко мне приблизился, тоже была вполне уверенной. Девственно-белая рубашка и накрахмаленный воротничок, выше — худощавое лицо, широкий выпуклый лоб, узкий нос и гладко выбритый подбородок. Мистер Фрамджи внимательно оглядел меня через очки в проволочной оправе — взгляд был пристальным, но отнюдь не неприветливым.

Он, в свою очередь, увидел перед собой высокого малого с боксерскими плечами и коротко стриженными волосами, что топорщились над одним ухом. За проведенные на границе годы бледная кожа англичанина, доставшаяся мне от неизвестного отца, заметно потемнела. Взгляд Ади словно невзначай скользнул по моим подстриженным по-военному усам и гражданскому платью, но все же я ощутил, что неведомым образом взвешен и оценен.

— Джим, сэр. — Я шагнул вперед, протягивая руку. — Соболезную вашей утрате.

— Благодарю вас. Военный? — Его рукопожатие было твердым, ладонь — сухой и гладкой.

— До недавних пор Четырнадцатый полк легких драгун. Стояли в Бирме и на северо-западной границе.

— Кавалерия, — сказал он, — а ныне журналист.

Я неловко улыбнулся:

— Две недели, как поступил в «Кроникл».

И зачем мне было признаваться в собственной неопытности? Его неестественная, почти восковая бледность притягивала мой взгляд с первых минут знакомства. Надо полагать, что после нелепого процесса и поднявшейся в прессе шумихи у него были все основания недолюбливать журналистов — а то и вовсе презирать их. И все же он согласился принять меня. Почему?

Жестом предложив мне сесть на козетку, Ади опустился на стоящий тут же стул. Всю стену за его спиной занимали книжные полки с толстыми темными томами, расставленными явно не в соответствии с украшавшими корешки узорами, а по степени значимости для хозяина. Труды по юриспруденции, надо полагать.

Я ожидал, что прежде, чем начинать интервью, мы обменяемся дежурными любезностями — поговорим, например, как давно я в Бомбее, обсудим погоду, ну и тому подобное.

Вместо этого мистер Фрамджи спросил:

— Почему вы ушли из армии, капитан?

Он казался осторожным — даже подозрительным, и сама царящая в комнате тишина показалась мне вдруг исполненной укора. Конечно же, он хотел убедиться, что я именно тот, за кого себя выдаю. Извольте.

— Мне с лихвой хватило двенадцати лет, сэр, — пятнадцати даже, если считать службу офицерским грумом.

— Отчего же вы устроились в «Кроникл»?

В этом вопросе я увидел возможность коснуться своих подлинных намерений:

— Раньше мне уже случалось писать, вот я и попросился на работу к мистеру Байраму, редактору. Вы ведь получили на той неделе мое письмо с просьбой дать интервью?

Он вскинул руку, словно хотел сказать «пока нет», но вместо этого спросил:

— Кто вы, капитан Агнихотри?

— Солдат, сэр, — сказал я и добавил под прицелом его пристального пытливого взгляда: — Мне хотелось бы расследовать это... э-э... дело.

Разве можно было признаться в моем интересе к этому убийству — нет, даже в одержимости им — без того, чтобы не показаться нетактичным, а то и произвести впечатление откровенно странное? Все последние дни я только о нем и думал, лишь бы не возвращаться мыслями к Карачи.

Я видел смерть при Майванде — погибших друзей и мертвых афганцев. По дороге на Кандагар... и Карачи. Каждый раз все случалось иначе, только боль всегда оставалась одинаковой. Боль от сквозящей во взгляде друга мольбы о помощи, которая уступает место осознанию... а потом последние судороги тела, тщетно пытающегося удержать рвущуюся прочь душу.

Смерть — это товар, которым торгует солдат. Мы даем ее, и мы же ее принимаем. Как и боль.

Но две юные женщины на самой заре жизни? В этом не было никакого смысла. В письме мистера Фрамджи говорилось: «Предположение, сделанное вами в редакционной колонке вчерашнего номера, попросту невозможно. У моей жены Бача и сестры Пиллу не было ни малейших причин для самоубийства, поскольку они были окружены всем, ради чего только и стоит жить».

Его глаза пыливо уставились на меня из-под залитого утренним солнцем лба. Сколь же пристальным был этот взгляд!

Наконец я снова заговорил:

— Сэр, я читал об этом деле. Кое-что в нем меня... удивило.

— Продолжайте.

Я изо всех сил старался подобрать нужные слова, чтобы не задеть его:

— Не приходилось ли вам читать «Знак четырех» Конан Дойла? Его метод очень заинтересовал меня. Дедукция, изучение деталей...

Блики света на стеклах очков скрыли от меня глаза собеседника.

— Отдельные частные или необычные детали преступле-

ния... они могут помочь раскрыть тайну. Такой подход может пригодиться и здесь, — сказал я.

— Вы хотите расследовать... смерть моей жены? Тогда зачем вам «Кроникл»? — Он придвинулся, вновь оказавшись на свету, и в меня опять уперся пронзительный взгляд, разительно контрастирующий с его спокойным голосом.

— Сэр, «Кроникл» сосредоточила все свое внимание на людях, — поспешил объясниться я, — женщинах и подозреваемых. Я же предложил бы иной подход — попробовать восстановить картину произошедшего в ее полноте. Редактор отдела сказал, что писать тут больше не о чем, но я с ним не согласен. Это дело еще не закончено.

Ади Фрамджи молчал. Я затаил дыхание. Сейчас он избавится от меня. Это аристократическое лицо превратится в вежливую маску — именно таким он встретил орду репортеров во время короткого и нелепого процесса в Высоком суде Бомбея.

— Да, я писал в «Кроникл», — наконец сказал он.

— Вы написали, что это не могло быть самоубийством, — подхватил я. — Возможно, я смогу выяснить, что же произошло на самом деле.

Его взгляд дрогнул.

— Как?

— Методично изучу все улики и сопоставлю их. Не знаю, что именно я в итоге выясню, но попробовать-то можно.

— Хотите быть как... Шерлок Холмс, — сказал Ади.

Значит, он был знаком с трудами Конан Дойла. Не удивительно.

— Воспользоваться его методом, сэр, — поспешил объяснить я, — отыскать то, что могло ускользнуть от внимания полиции.

Он нахмурился:

— Так вы решили, что хватит с вас армии? После статей о процессе и моего письма?

— Я давно уже это решил. Просто ваше письмо привлекло мое внимание.

— Хм... Вы англоиндиец?

— Да.

О моем происхождении красноречиво свидетельствовали цвет кожи и рост. Большинство индийцев были гораздо мельче меня.

— Агнихотри — индийская фамилия. Ваш отец был индийцем?

Вот и дошло до вопроса, который неотступно преследовал меня с самого рождения.

— Нет, сэр. Агнихотри — фамилия моей матери. Отца я не знал.

Я был бастардом. Мой английский отец не удосужился даже передать мне свою фамилию.

— Понятно. — На лице Ади не появилось и намек на осуждение. Странно.

Меня вырастила армия. Был на побегушках у солдат, а как только достаточно вырос, стал под ружье и отправился напрямиком на северную границу. Вот только рассказывать ему обо всем этом нужды не было. Вместо этого я поведал про то, как мне удалось расследовать дело об убийстве мойщика одежды в Мадрасе.

— Я присматривался несколько дней и заметил, что у одного из субалтернов, младших офицеров, появилась новая одежда явно не по размеру. Его жилье обыскали и обнаружили очевидные улики. Говорят, мой рапорт произвел впечатление на самого генерала — вот я и решил, что могу попробовать писать в газеты.

Пожалуй, я сказал даже больше, чем следовало, а потому замолк.

Он не отвел взгляда, да и историю мою, похоже, не считал пустяком. Ади задал еще несколько вопросов, а потом, судя по всему, принял решение:

— Я хочу узнать, что случилось с Бача и Пиллу — так или иначе. Сколько, по-вашему, на это понадобится времени?

Я задумался:

— Месяцев шесть? Вряд ли за этот срок я не успею докопаться до сути.

Он прикрыл глаза.

— Капитан Агнихотри, сколько вам платит «Кроникл»?

Я удивленно уставился на него. Ади молчал, лицо его осталось спокойным.

— Тридцать рупий, сэр. В неделю. — Я довольно кивнул. Это было немного, но вполне достаточно для холостяка с умеренными запросами. Я по-прежнему стоял перед ним по стойке «вольно, по-парадному» — лицо прямо, плечи приподняты.

— Работайте лучше на меня, — сказал он, — за сорок рупий в неделю.

— На вас?

Он кивнул.

— И... что я должен буду делать?

Тут Ади улыбнулся, и я мигом позабыл, что сперва он показался мне надменным аристократом. Я увидел наконец, что он лет на десять младше меня — просто бедняга до сих пор не оправился от случившейся трагедии и отчаянно искал хоть какой-то способ разрешить эту мрачную тайну. И вот перед ним появился шанс на это — я.

— Что? Да то же, что и собирались. Расследуйте смерть... моей жены. — Его голос дрогнул от сдерживаемых чувств. — Это не было самоубийством, капитан. Узнайте, что и как именно произошло. Но я не хочу, чтобы об этом писали в газетах. Хватит с нее, бедняжки. Пусть спит спокойно.

Вот так я и стал частным детективом.